

**Для цитирования:** Богданова В. О.,  
Гулеватая А. Н., Дыдров А. А., Пеннер Р. В.  
Internet Studies в условиях пандемии  
(по материалам конференции  
«Internet beyond 2020») //  
Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 89—101.  
DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101

УДК 141.319

## INTERNET STUDIES В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ «INTERNET BEYOND 2020»)

**Богданова Вероника Олеговна,**  
Южно-Уральский государственный  
гуманитарно-педагогический университет,  
доцент кафедры философии и культурологии,  
Южно-Уральский государственный университет,  
старший научный сотрудник  
научно-образовательного центра  
практической и прикладной философии,  
кандидат философских наук.  
Российская Федерация, 454080,  
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.  
E-mail: bogdanovavo@susu.ru

**Гулеватая Анастасия Николаевна,**  
Южно-Уральский государственный университет,  
преподаватель кафедры «Философия»,  
Российская Федерация, 454080,  
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.  
E-mail: gulevataiaan@susu.ru

**Дыдров Артур Александрович,**  
Южно-Уральский государственный университет,  
доцент кафедры «Философия», доцент,  
старший научный сотрудник  
научно-образовательного центра  
практической и прикладной философии,  
кандидат философских наук.  
Российская Федерация, 454080,  
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.  
E-mail: zenonstoik@mail.ru

**Пеннер Регина Владимировна,**

Южно-Уральский государственный университет,  
доцент кафедры «Философия», доцент,  
старший научный сотрудник  
научно-образовательного центра  
практической и прикладной философии,  
кандидат философских наук.  
Российская Федерация, 454080,  
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.  
E-mail: penner.r.v@gmail.com

*Аннотация*

Статья представляет собой обзор VI научно-практической конференции «Internet beyond 2020» (22—24 апреля 2021 г.), организованной онлайн-школой Интернет-исследований при поддержке Высшей школы экономики. Программа конференции включала в себя секционные доклады и круглые столы, посвященные роли глобальной сети, эволюции искусства и образования в условиях пандемии COVID-19. Конференция объединила представителей социально-гуманитарных наук (социологов, культурологов, лингвистов), деятелей культуры и искусства, дизайнеров и специалистов в области Internet studies. Организаторы и участники конференции пытались ответить на различные вопросы, среди которых: является ли современный человек свидетелем возникновения принципиально новых антропопрактик? Возможно ли из частных сюжетов Internet studies собрать целостную картину цифровых реалий, а также прогнозировать появление и развитие еще не известных социальных и антропологических трансформаций? Возникнет ли постпандемический нарратив, концептуализирующий гетерогенную событийность нашего времени?

*Ключевые понятия:*

Internet studies,  
пандемия,  
коммуникация,  
образование,  
искусство.

**Введение:  
освоение неизвестного вируса**

22—24 апреля 2021 г. прошла конференция «Internet beyond 2020», объединившая усилия молодых исследователей и известных специалистов в области Internet studies. Различие в заявленной дате и дате фактического проведения конференции объясняется, по мнению организатора, длительностью содержательного наполнения сформулированной темы. Тематика «Internet beyond» была определена сравнительно быстро, но, разумеется, требовала развертки, сбора и структурирования эмпирического материала, проработки концептуального аппарата, не говоря уже о сопутствующих организационных задачах.

В конференции приняли участие специалисты различных профилей из Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Института востоковедения РАН, РАНХиГС, Санкт-Петербургского государственного университета, Челябинского государственного университета. Кроме того, в «Internet beyond» участвовали и некоторые независимые исследователи. Усилия организаторов и участников объединились в контексте так называемых «Internet studies», перспективы которых активно обсуждались еще в середине первого десятилетия XXI в. (см., например, S. Jones [10], H. Campbell [8] и др.). Internet Studies, генетически связанные с социально-гуманитарными науками и соответствующими дисциплинами, актуализируются в условиях COVID-пандемии, что детерминировано увеличением значимости Интернет-технологий, электронных ресурсов и онлайн-коммуникации, возникновением и распространением в сети гетерогенных антропопрактик, дающих социологии, культурологии, социальной философии, философской антропологии, истории и другим наукам новый материал для исследований.

В базисные идейные установки «Internet beyond» интегрирован рефлексивный компонент, конституирующийся рядом исследовательских вопросов (приводимый здесь перечень, разумеется, не является полным): переживает ли современный человек рождение и развитие принципиально новых или является свидетелем перехода на новый уровень традиционных антропопрактик? Возможно ли из «небольших сюжетов» Internet studies в принципе собрать целостную картину цифровых реалий и определить перспективы дальнейших социальных и антропологических трансформаций? Следует ли ожидать возникновение (пост)пан-

демического нарратива, то есть дискурса, собирающего и, главным образом, концептуализирующего гетерогенную и интенсивную событийность нашего времени?

Конференцию открыл доклад профессора Челябинского государственного университета М. В. Загидуллиной, посвященный медиаобразам коронавируса. Исследователь сопоставил т. н. «каноническое» изображение вируса с различными вариациями на тему. Канонический имидж COVID подвергся в Интернет-среде многочисленным иконическим корректировкам, детерминированным векторной графикой, искусством коллажа, мемефикацией и, в общем, художественной стилизацией. Подробно на тему образа вируса писали, например, О. И. Калинин и Д. В. Мавлеева [1], [2]. Образ коронавируса распространяется в качестве украшения кондитерских изделий, многочисленных аппликаций для вязания, детских игрушек и т. д. Все эти практики исследователь назвал «доместикацией» вируса. Доместикация привела к противоположному результату, в сравнении с тем, что ожидался микробиологами. Выход из сложившейся ситуации М. В. Загидулина видит в реинкарнации государственных пропагандистских практик, а в качестве примера эффективного функционирования пропаганды приводит Китай, где прямое и санкционированное запугивание граждан привело к тотальной вакцинации. Либерализация государственной политики, по мнению исследователя, напротив, ведет к безответственному поведению в условиях карантина: в частности, в России сравнительно низкая доля вакцинированных граждан (препарат при этом доступен).

Титульный доклад в значительной степени определил направленность всей конференции, участники которой анализировали Интернет-практики и пытались определить их органическую связь с транс(де)формациями традиционных культурных кодов. Условно содержание конференции можно представить в единстве трех тематических блоков: во-первых, специфика организации и проведения Internet studies, во-вторых, трансформации культуры и искусства в сети, в-третьих, ситуация в образовании и перспективы его развития.

**Специфика проведения исследований Интернета в условиях пандемии**

В значительной части мероприятий конференции организаторы и участники задавались вопросом, «как изменилась наша

работа во время пандемии». Этот вопрос с необходимостью затронул сферу Internet Studies, с одной стороны, как той области знания, что занимается исследованиями самого интернета, а точнее его трансформаций, что случилось в пандемию; с другой стороны, тех областей знания, накопление и сбор информации в которых происходит посредством Интернета (социология, исследования антропологического и культурологического характера). На самом открытии прозвучал тезис, ставший, наверно, лейтмотивом всех трех дней конференции, о том, что единый нарратив о пандемии еще не сложился (его не собрали), «мы все еще внутри потока» (П. В. Колозариди). Отсюда описание мероприятий является отображением самого «потока» и одновременно выражает рефлексию акторов конференцию по вопросу о том, как мы по этому «потоку» движемся.

Большое место в обсуждениях было отведено размышлениям об экспертизе. Как было сказано на открытии, в фокус внимания попала «экспертиза, происходящая “снизу”» (П. В. Колозариди, А. А. Шетвина). Иными словами, все мы, тем или иным образом, наблюдаем за теми изменениями, что происходят в интернете (прежде всего, обязательный перевод работы и учебы в онлайн в условиях пандемии), являемся акторами этих изменений (сами переходим в онлайн). Поэтому по большому счету каждый из нас может сегодня выступать экспертом в области того, что происходит с интернетом. Размышляя на эту тему, Д. Кваснюк упомянул о работе Н. Collins и R. Evans, заявивших о «Третьей волне научных исследований», в которой все более весомое положение занимает «экспертиза, основанная на пользовательском опыте» (user experience-based expertise) [9]. Ключевое ее отличие от классической экспертной оценки проявляется в том, что user experience-based expertise проводят институционально не подтвержденные эксперты. Также как и признанные институциями эксперты, они являются носителями уникального экспертного знания, но в отличие от первых их знание базируется на личном опыте, как правило, напрямую не связанном с их профессиональной деятельностью.

Принципиально важным был и тезис, прозвучавший на открытии конференции (М. В. Загидуллина): «То, что не фиксировалось, фиксируется, связывается с надзором, наказанием». Все большее количество времени человек проводит в Интернете. Этот факт имеет глубоко различные последствия.

Перевод трудовой деятельности в режим онлайн актуализирует нормативизацию общения в сети. Проблеме сетевого этикета также была посвящена передача Ф. Толстой «Наблюдатель». Участники программы размышляли, как изменяется общение при переходе в онлайн, что можно и что нежелательно делать (писать, говорить) сегодня в сети. Интересной была ремарка С. В. Тихоновой о том, что изначально «нэтикет» формировался меритократически, профессиональным меньшинством для общения в своей узкой группе<sup>1</sup>. Сегодня же в интернет пришло большинство. Отсюда вопрос о возможности и необходимости пересмотра «нэтикета» для масс.

В свою очередь, Е. О. Труфанова, кто более четверти века обращается к теме эскапизма, за последний год высказывает интересные тезисы на тему побега в сеть и из сети. Еще в начале 2000-х гг. Интернет был благодатной почвой для тех, кто стремился «убежать» от норм и стандартов, диктуемых обществом (где учиться, куда пойти работать и кем, что одеть, что купить и пр.). Интернет с его анонимизацией, снижением уровня ответственности (в режиме онлайн человек может писать, но не совершать действия, непосредственно нарушающие права и свободы того, кому он пишет) стал оптимальной площадкой для тех, кто мечтал вырваться из «оков» повседневности [5, с. 13—14]. В пандемийных условиях наблюдается иная тенденция: будучи вынужденным работать и учиться в режиме онлайн, человек все чаще судорожно ищет возможности выхода в «оффлайн». Эта тенденция указывает на то, что изменяется статус интернета в современности; из технического средства коммуникации и хранилища информации Интернет претендует на статус «третьей природы», отмежевывающейся не только от физической реальности, но и от культуры [6, с. 128]. Интернет как «третья природа» формирует свои правила игры: например, сегодня за человеком могут надзирать не только классические институты власти, школа, больница и тюрьма [7], но такие же, как и он, пользователи. Отсюда следует заключение: надзиратели изменяются, а паноптикум остается.

Одной из наиболее ярких, на наш взгляд, была работа секции «Как избежать интернета» (модератор А. А. Шетвина). На ней А. Куцман прочитала доклад о невовлечен-

<sup>1</sup> Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE> (дата обращения: 14.06.2021).

ности (disengagement) в цифровую реальность. Докладчик указал на то, что в среде пользователей ширится недовольство цифровым миром как таковым. Само недовольство подкрепляется увеличением случаев цифровой слежки. Из цифрового сленга в научный дискурс вышли слова «кибер-омон» (надзиратели) и «имидж-борд» (анонимная толпа) [3]. Помимо прочего, идея недовольства подкрепляется онтологически; сам цифровой мир является неустойчивой системой, ибо привязан к серверу. Пока сервер функционирует; но что будет, если он рухнет? Этот вопрос порождает тему уязвимости цифрового пространства. Все это А. Куцман рассмотрела сквозь призму disengagement. У человека всегда должен быть выбор: пользоваться сетью или свободно выйти из нее. В ходе дискуссии на эту тему парировала О. Бронникова: «Если у вас нет смартфона, у вас нет выбора». Она заключила, что если посмотреть на дебаты активистов цифровых прав, то скорее выбора нет у тех, кто не хочет цифровизоваться. Миноритарные группы сами исключили себя из многих практик.

Вполне естественно то, что в своих размышлениях об изменении в исследовании интернета участники конференции обращались к своим работам и конкретным кейсам. Д. Кваснюк презентовал результаты исследования «Анализ анти-вакцинационного сообщества в ВК («Правда о вакцинах»: <https://vk.com/antiprivivki>)»<sup>1</sup>. Проблему своего исследования он обозначил через то, что знание противников вакцинации не научно, но легитимно. Отсюда вопрос работы: как сделать так, чтобы знание, которое производят противники вакцинации, было принято обществом. Докладчик пришел к выводу о том, что признания обществом подобного знания возможно посредством экспертизы, точнее user experience-based expertise. В сообществах ВК, участники, как правило, делятся личным опытом по вопросам о том, как родителю отстоять право ребенка не вакцинироваться и к каким последствиям привела та или иная вакцинация.

В первый день конференции прошел круглый стол по теме «Как мы можем узнать и исследовать». Мероприятие было посвящено вопросу об изменении социологических исследований при переходе в онлайн. Его модератором выступила Б. Остромоухова, автор исследовательской программы ResisTIC («Resistance on the Internet: Criticism and Circumvention of the Digital Borders in Russia»). О. Бронникова и А. Зай-

цева («Laboratory LLA-CRÉATIS») поделились опытом качественных исследований по работе с бизнес-тренерами и правозащитными НКО. В своем докладе они указали, что информанты из области правовой безопасности весьма закрыты, как правило, они не приглашают интервьюеров на свои тренинги. В свою очередь, в пандемию ситуация кардинально изменилась: можно стать участником тренинга, т. к. тренеры перешли в онлайн. Интервьюер вовлечен в процесс обучения, но сохраняет инкогнито, т. е. остальные участники не знают, что он исследователь. В заключении докладчики отметили, что опыт пандемии дал исследователям повод для пересборки понятия «безопасность» по той причине, что меняется объект исследования, а эксперты из этого поля сами превращаются в акторов трансформационных процессов.

Участник того же круглого стола К. Ермошина («Citizen Lab») поделилась опытом проведения количественного исследования на тему, как изменился Крым после аннексии. Она справедливо отметила, что обращение к онлайн как к средству обоснованно в условиях, когда материал исследования для исследователя является удаленным. Отсюда вытекает вопрос о создании технологической и антропологической базы для проведения работы: аренда серверов и поиск тестеров (провайдеры, активисты), тех, кто будет собирать информацию. В саму же пандемию К. Ермошина наблюдала за новым явлением, онлайн-митингами, и перестройкой онлайн-платформ под нужды пользователей в условиях ковидных изменений (2ГИС) и под требования властей в условиях «несанкционированной» пользовательской активности (Яндекс).

Социолог Е. Гудова в своем выступлении в большей степени ставила вопросы, нежели давала конкретные рекомендации или ответы. Как работать онлайн, когда «крючки» из офлайн здесь не срабатывают? Как настроить интервьюируемого на доверительное общение? Как работать с его невербальными сообщениями? Как обращаться с метаязыком в Интернете, ибо в разных группах появляются свои наборы смайлов, носящие не доступные аутсайдерам эмоциональные коннотации? В размышлениях на поставленные вопросы она вышла на тезис о том, что современный социолог должен обращаться не столько к конкретным данным и новым методам их обработки, сколько совершить возвращение к древним этнографическим методикам, когда взгляд исследователя еще не успел «замылиться».

<sup>1</sup> Правда о прививках. URL: <https://vk.com/antiprivivki> (дата обращения: 14.06.2021).

Отсюда ведущим поисковым ресурсом для социолога становится интуиция, позволяющая собрать все сегменты конструируемой в исследовании картинки.

На третий день конференции в рамках работы круглого стола «Что я должен делать (об этике)» выступила Т. Миронова с кейсом из сферы современного искусства. В своем докладе она поставила серию практических вопросов. Может ли художник использовать реальный документ в своей выставке? Как документ, сложная структура отражения истории, может быть встроен в художественную выставку? На вопросы она предложила 2 решения: 1. «Слабое» — отображение неполноты/незавершенности самого документа без продуманного «обрамления», что предлагает художник; 2. «Сильное» — все экспонаты выставки «играют» на документ. Т. Миронова в завершении концептуализировала свои размышления вопросом: есть ли субъектность у документа? Этот теоретический вопрос, в свою очередь, обнажает ряд прикладных проблем этического плана, прежде всего, как художник должен понимать исторический документ и обращаться с ним.

Значительное место в конференции занял уже упоминавшийся круглый стол «Что я должен делать (об этике)» (модератор П. В. Колозариди). В течение работы круглого стола развернулась дискуссия по вопросу о том, как изменяется ответственность исследователя (и изменяется ли она), материал которого «перекочевал» в пандемию из офлайн в онлайн. Косвенно тема ответственности исследователя поднималась на других мероприятиях конференции (в том числе, на круглом столе «Как мы можем узнать и исследовать» в контексте вопроса об анонимизация исследователя в момент участия в тренингах, в работе секции «Как избежать интернета» в контексте размышлений об экологической уязвимости цифрового пространства). Условно ключевыми оппонентами можно назвать П. В. Колозариди, с одной стороны, призывающую относиться к людям как субъектам, а не бездушному материалу для подсчета и оцифровки<sup>1</sup>, и М. В. Загидуллину, с другой стороны, выразившую позицию о том, что сами исследователи «связывают себе руки» избыточной

ответственностью. М. В. Загидуллина (как и С. В. Тихонова в упомянутой ранее телепередаче) развела понятия этики и этикета, того, что должно быть, и того, как хорошо бы было. Ответственность исследователя зафиксирована документально, например, в 14 статье Соглашения на «Facebook»: вы собираете данные, можете их анонимизировать, но до тех пор, пока подобный «подсчет» не угрожает свободе носителя информации<sup>2</sup>. Отсюда вопрос об ответственности по большей части «сидит» именно в голове исследователя, не в документах, предназначенных эту ответственность регулировать.

Размышления участников конференции над вопросами каким образом изменились Internet Studies и что нового произошло в исследованиях, проводимых онлайн, можно переиначить как размышления в потоке. По той причине, что дистанция между временем самих изменений и временем их осмысления невелика, исследователи слишком близки к предмету своего исследования. Вследствие этого итоговая картина получается еще очень размытой.

### «Internet beyond 2020» и искусство

В последний день конференции 24 апреля проходил круглый стол «Как нам быть с искусством?». Круглый стол был посвящен вопросу о влиянии пандемии на функционирование арт-пространств. Участники конференции делились своим опытом наблюдения о том, как изменились форматы взаимодействия деятелей искусства со зрителями в различных художественных институциях, рассказывая о разнообразных проектах, запущенных в период пандемии.

Преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ П. Сковородников отметил, что во время пандемии люди, работающие в сфере искусства и культуры, столкнулись с проблемой сохранения зрительской аудитории, поэтому все силы были направлены на адаптацию к новым нетипичным условиям. Многие участники считали, что главной проблемой в период пандемии для деятелей искусства и культуры стал пустующий зал. Отсутствие прямого контакта со зрителем создавало угнетающую атмосферу для творческих людей. Невозможно было понять уровень готовности аудитории к восприятию искусства. Онлайн-формат создавал трудность быстрого реагирования на духовные запросы людей, поэтому деятелям искусства сложно было

<sup>1</sup> Bodrunova S. S., Koltsova O., Folstad A., Halpin H., Kolozaridi P., Yuldashev L., Smoliarova A., Niedermayer H. Internet Science: INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24—26, 2018, Revised Selected Papers. URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/internet-science-insci-2018-international-workshops-st-petersburg> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>2</sup> Политика использования данных. URL: <https://www.facebook.com/about/privacy/update> (дата обращения: 14.06.2021).

понять интересы зрителей. Данные проблемы, связанные с взаимодействием людей, требовали своевременного решения, поэтому стали меняться форматы встреч деятелей искусства и культуры и способы трансляции результатов творчества ценителям искусства. Можно сказать, что пандемия стала площадкой для экспериментирования с формами воплощения художественного замысла, способами передачи его слушателям и зрителям. Можно было наблюдать волну интереса к цифровому искусству. Например, проект «Non Player Piano» привлек внимание большой аудитории зрителей, послужил отражением духа цифровой современности. Данный проект стал своеобразным способом взаимодействия людей (музыкантов) с искусственным интеллектом.

Руководитель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» в Школе дизайна НИУ ВШЭ, музыкант и куратор перформанса (перформанса) «Non-player Piano» А. Гандрабур подробно рассказал о данном проекте. Перформанс проходил 31 августа 2020 года на корабле, плывущем по Москве-реке. Данный проект учреждался специально для «Ars Electronica Festival 2020». В импровизации участвовали десять музыкантов, студенты и кураторы направления «Саунд-арт и саунд-дизайн». Особенностью этого проекта являлось то, что он создавался с применением искусственного интеллекта, для этого использовался сервис генеративной музыки «Mubert AI». В нейронную сеть загружались музыкальные треки, которые она связывала, создавая между ними плавные переходы. В итоге получался бесконечный музыкальный поток. Следует отметить, что нейронная сеть была обучена анализировать состояние окружающей среды. На носу корабля стояла камера, которая снимала ландшафт. С помощью датчиков нейронная сеть фиксировала погоду, время суток, местоположение, скорость корабля, наклон палубы, высоту реки над уровнем моря, движение ее волн и многое другое. Все полученные данные собирались и трансформировались в уникальные звуковые паттерны. Голоса вокалистов также обрабатывались в зависимости от состояния окружающей среды. Глядя на проделанную работу, трудно сказать, кто задавал музыку: человек или искусственный интеллект. Полученные нейронной сетью данные служили основой для импровизации музыкантов и вокалистов, которыми, по сути, она управляла, выполняя функцию дирижера.

Преподаватель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» Школы дизайна НИУ ВШЭ, музыкант Е. Вороновский обратил внимание

на то, что пандемия не повлияла на вторжение цифровых технологий в нашу жизнь, она лишь ускорила те процессы, которые уже становились частью повседневности современных людей. С 15 июля 2020 года в России можно было наблюдать, как в сфере музыки происходило внедрение нейросетей. В это время был официально запущен интернет-сервис потокового аудио Spotify. Самой популярной функцией Spotify становится «Discover Weekly», которая позволяет создавать списки с рекомендуемой музыкой. Сервер формирует для пользователей плейлисты на базе загруженных файлов артистов, анализируя музыкальные предпочтения пользователей. Таким образом, Spotify произвел революцию восприятия контента, которая нашла выражение в появлении феномена пассивного слушания музыки. Отсутствие первоначального выбора приводило к тому, что пользователь не запомнил названия композиций и исполнителей, поскольку воспринимал их нерелексивно. Получалось, что в какой-то степени искусственный интеллект сам программировал пользователя на прослушивание определенной музыки.

По мысли Е. Вороновского еще одной немаловажной тенденцией развития искусства в период самоизоляции являлось возрастание интереса к альтернативной (авангардной) музыке и музыке с природным звучанием. Например, группа «Оцепеневшие», создающая музыку в стиле drone-doom, во время онлайн-выступлений набирала аудиторию более 200 человек. Многие пользователи в период самоизоляции почувствовали тоску по прогулкам на природе, которая отразилась в выборе композиций. В апреле 2020 года был проведен необычный стрим. В прямом эфире была дана запись со звуками обитателей болота, которая набрала большое количество прослушиваний. Люди, оказавшись в замкнутых пространствах, стали восполнять утраченные возможности наиболее доступными способами, обращаясь к музыкальным композициям.

Следует отметить, что пандемия повлияла на доступность музыкальных платформ для людей, занимающихся электронной музыкой. Именно в этот период становятся бесплатными на некоторое время компьютерные программы от компании «Ableton». Они использовались для студийной работы (аранжировки, сведения). Появляются цифровые звуковые рабочие станции с богатой библиотекой звука для написания электронной музыки. Это давало пользователям возможность создавать треки без примене-

ния музыкальных инструментов. Возможно, когда-нибудь компьютерные программы будут способны без участия человека писать и публиковать музыку.

Таким образом, анализируя развитие музыкальной сферы в период самоизоляции, можно сказать, что существовала была пересмыслена роль компьютерных технологий в создании музыкальных произведений, наметилась тенденция к синтезу привычных способов работы музыкантов с богатым арсеналом цифровых методов, повысилась их доступность для создания музыкальных композиций. Применение новых технологических возможностей музыкантами способствовало повышению интереса слушателей к цифровому искусству.

Медиа-художник, дизайнер и иллюстратор, преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ О. Пащенко в своем докладе раскрыл, какое место занимают цифровые технологии в искусстве XXI в. Сложно переоценить роль цифровых технологий. Они широко применяются во многих видах человеческой деятельности: от редактирования фотографий до создания эскиза картины на компьютере или скульптуры с помощью технологии быстрого прототипирования. Современное искусство стало более интерактивно. У зрителя появилась возможность взаимодействовать с художником и даже участвовать в создании произведений. Появилось новое направление в искусстве — инцепционизм, когда картины рисуются нейронными сетями. Нейронные сети создают картины на основе введенных параметров. По сути, они занимаются синтезом новых образов, опираясь на материал, загруженный в базу данных.

Достаточно высокий уровень развитие цифровых технологий позволил людям в условиях самоизоляции участвовать в культурной жизни, частью которой является искусство. Олег Пащенко отметил, что во время самоизоляции и после нее люди стали чаще обращаться к цифровым технологиям, однако нельзя утверждать, что самоизоляция принесла большие качественные изменения в сферу искусства. Скорее период самоизоляции повысил степень обращения людей к цифровым технологиям. Однако, следует заметить, что пандемия обострила некоторые проблемы, которые уже существовали в цифровом искусстве и актуализировала потребность в разработке способов их решения. Дело в том, что цифровые технологии обладают неисчерпаемыми возможностями, которыми пользуются современные художники. Они дают большую свободу творчества. С помощью

компьютера художник может перегруппировать и совместить несколько изображений, применить разные фильтры и цвета, тогда рождается новое произведение искусства. Можно сказать, что благодаря цифровым технологиям создаются новые формы «производства» искусства. По-другому строится работа художника потому, что визуальная информация перестала быть строго фиксированной. Теперь художник можно бесконечно преобразовывать фрагменты изображения с помощью компьютера. Как отмечает П. Вайбель, впервые в истории изображение стало подвижной системой [4].

Главное изменение, которое произошло, по мысли медиа-художника — это преобразование способа работы с арт-объектами. Раньше самой успешной судьбой произведения искусства считалось попасть в музей. Теперь арт-объекты могут не украшать интерьеры музейных залов. В цифровом искусстве создается своя система показа и продажи арт-объектов. Цифровые художники не ставят перед собой цель попасть в галерею или музей, считая их пережитками досетевой культуры. Они выставляют и продают свои работы на персональных сайтах. Каждый художественный объект должен обладать уникальностью. По сравнению с традиционными произведениями искусства, статус цифрового искусства сложно определить из-за простоты техники создания. Художники, творящие в этой сфере искусства, часто воспринимаются как «content creators» («создатели контента») наряду с блогерами.

По словам О. Пащенко, основной проблемой для художников является то, что в цифровом искусстве можно легко воспроизводить произведения путем копирования. Это порождает проблему авторства и неповторимости произведения искусства, которое в процессе репродуцирования теряет свою «ауру». В цифровом искусстве популярен net-art, однако он не стал полноценным художественным явлением, поскольку его природа слишком эфемерна для арт-рынка. Сложно продать арт-объект, который поддается тиражированию и лежит в открытом доступе. Цифровые художники столкнулись с существующей проблемой обесценивания их творчества. Решением данной проблемы стала платформа «Foundation», которая появилась в 2021 г. Благодаря функционированию этой платформы стало возможным определять материальную ценность digital art и продавать произведения искусства коллекционерам. Особенностью Foundation является продажа цифрового искусства в виде невзаимозаменяемого токена (NFT), который

является видом криптографических токенов. Каждый экземпляр NFT уникален, он не может замещаться другим аналогичным токеном. NFT не запрещает копирование произведений цифрового искусства, не ограничивает демонстрацию арт-объектов. Он только дает право владения цифровым оригиналом, благодаря ему художники могут продавать цифровые произведения искусства как уникальные объекты. Невзаимозаменяемый токен можно сравнить с сертификатом подлинности в структуре традиционного арт-рынка<sup>1</sup>.

Таким образом, Foundation расширила финансовые возможности цифровых художников, открыв для них вторичный рынок (от каждой повторной продажи произведения искусства художник получает 10—20 % от прибыли предыдущего владельца). В дальнейшем применение технологии блокчейн позволит отличать оригинальные цифровые работы от их копий, даже если это два идентичных файла, что в свою очередь уравнивает инвестиционную привлекательность цифровых и традиционных работ. Новые технологии помогут художникам становиться известными, публикуя работы в открытом доступе без страха, что их работы потеряют ценность.

На круглом столе была поднята тема о влиянии пандемии на деятельность художественных институций. Эксперты в этой области рассказали, что сама тенденция по внедрению цифровизации зародилась уже в 2017 году, но пандемия сильно подтолкнула развитие в этом направлении. По мысли А. Першеевой, кандидата искусствоведения, доцента Школы дизайна НИУ ВШЭ, музей всегда был храмом, сакральным местом приобщения к художественному смыслу. Когда ценители искусства оказались в условиях самоизоляции, они почувствовали потребность в духовной пищи, поэтому музейные работники сделали шаг навстречу зрителям. В кратчайшие сроки музеи перешли в онлайн-режим на специализированные платформы, сайты, в социальные сети и стали искать новые способы взаимодействия с аудиторией. Следует отметить, что новый формат оказался востребованным. Существенно изменилось отношение людей к музейному контенту, возрос спрос на онлайн-лекции, онлайн-экскурсии, виртуальные выставки, мастер-классы и вебинары.

В своем докладе Александра Першеева обратила внимание на быстрое реаги-

вание на ситуацию пандемии музея имени Пушкина. Данный музей до самоизоляции размещал 4—7 видеороликов в месяц на своем канале YouTube. В период локдауна стало выходить до 40 видео в месяц. Музей проявлял высокую активность в социальных сетях. Лента новостей была переполнена актуальными постами с информацией о деятельности музея. Сотрудники музея создавали подкасты, размещали видео- и аудиолекции, проводили фестивали встреч с художниками, круглые столы, виртуальные выставки. Следует отметить, что многие современные художники шли навстречу зрителям искусства, они позволяли бесплатно размещать свои работы на платформах на одни сутки. Зритель получал возможность просмотреть большое количество работ, которые сотрудникам музея было проблематично собрать в одном месте. Особенно востребованными были проекты, которые давали возможность на базе музейных ресурсов организовать общение людей. Например, бэкстейдж с вопросами, на которые отвечают хранители музея. Запускались проекты, в которых использовался личный нарративный подход к произведениям искусства, когда искусствоведы рассказывали о любимых картинах. Данные проекты создавали пространство открытого диалога, сокращали дистанцию со зрителями.

В Пушкинском музее был запущен новый проект «100 способов прожить минуту», тематически связанный с режимом самоизоляции. В этом проекте люди из сферы искусства, делились своим опытом проживания времени, описывали способы «приручения» времени, рассказывали о произведениях искусства, в которых поднималась тема замедления времени или уединения. Таким образом, практика показала, что музеи могут вести активную работу в виртуальном пространстве, вдохновлять людей, приобщая к искусству.

Социолог искусства М. Кулева описала опыт участия в проекте Андрея Мизиано «Рефлексия». Целью проекта являлось осмысление изменений, которые произошли в обществе и культуре в результате пандемии. Перед участниками проекта ставилась задача написать эссе о данных изменениях и приложить к нему работу художника, которая бы иллюстрировала текст. Проект был направлен на поддержку деятелей искусств и культуры. М. Кулева в рамках этого проекта написала эссе «Привилегии присутствия», в котором она описала как связаны культурные институции с социальными привилегиями. Эссе М. Кулевой по условиям проекта дополнялось инсталляцией

<sup>1</sup> Корнеев А. Что такое NFT-токены. И причём тут Бэнкси. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040cd429a7947281adb5a94> (дата обращения: 14.06.2021).



Виктора Кудряшова «Отзыв настоящего». Работа ставила проблему присутствия посетителей в институции онлайн и офлайн. Инсталляция включала в себя 34 таблички со словом «Exit», которые располагались в пустом выставочном зале в Санкт-Петербурге. Когда на сайт музея «Гараж» заходил посетитель, одна из табличек загоралась.

По мысли М. Кулевой, многие музеи, в том числе Эрмитаж, проводили онлайн-экскурсии. Главная особенность онлайн экскурсий — это создание эффекта присутствия. Зритель может виртуально «пройтись» по залам музея благодаря деятельности технического сотрудника, который снимает залы и коридоры музея и арт-объекты. В это время экскурсовод поясняет увиденное на экране. Социолог искусства отметила, что размещение изображений арт-объектов могло стать более удобным способом знакомства аудитории с искусством, но этот способ взаимодействия лишил бы зрителей привилегии присутствия, возможности быть там, где быть нельзя. Трансляция потеряла бы свою эксклюзивность. Подобные онлайн-экскурсии проводились многими музеями в период самоизоляции. Интерес к ним, по мысли докладчика, говорит о «зачарованности зрителя материальностью институции», «фетишизации музейного пространства»<sup>1</sup>. Возникает вопрос, в чем причина данных явлений? Социолог искусства приходит к выводу, что можно найти несколько причин. Оказавшись «заложниками» режима самоизоляции, люди испытывали тоску по культурным институциям, поскольку были лишены возможности «видеть и взаимодействовать с искусством», однако, немаловажную роль играла сама возможность почувствовать и продемонстрировать свою сопричастность к культурной жизни. Отсюда следует вывод, что арт-пространства не только создают необходимые условия для культурного обогащения личности, но и служат ей средой общения, находясь в которой она испытывает чувство принадлежности к более широкому социальным группам и свое культурное превосходство, которое может продемонстрировать в социальных сетях.

Кандидат искусствоведения, доцент Школы дизайна НИУ ВШЭ Т. Фадеева в качестве тенденции в развитии художественных институций назвала расширение зрительской аудитории благодаря онлайн-формату. После пандемии художники продолжи-

<sup>1</sup> Кулева М. Привилегии присутствия. URL: <https://garagemca.org/ru/event/garagereflections/materials/margarita-kuleva-privilegii-prisutstvija?fbclid=IwAR36uyaevKsl848Eu3G2npq3nUiUrEErWylRkBTNXNhgJU9xQ6CcG3nr-Q> (дата обращения: 14.06.2021).

ли работать в онлайн-режиме, несмотря на открытие многих арт-площадок. Режим самоизоляции привел к появлению новых техник работы, которые были направлены на совмещение онлайн и офлайн форматов. Художники стали привязывать интернет к физическому пространству, однако происходил не просто механический перенос компьютерных технологий на физическую реальность, создавалась целая гибридная история. Эта тенденция находит воплощение в художественных сериях постоянно меняющихся, в зависимости от внешних факторов, картин. С одной стороны, создается материальный объект — произведение искусства, — с другой, он появляется в пространстве социальных сетей благодаря деятельности пользователей. Так, был создан проект, в котором нейросеть реагировала на тон высказываний в сети и создавала картину общих чувств. Художники, которые стали работать с нейронными сетями, нашли оригинальные способы создания произведений искусства и обрели свой узнаваемые почерк.

Таким образом, режим самоизоляции привел к глубинным трансформациям в культуре и искусстве, которые происходили под влиянием информационных технологий. Повысилась цифровизация музейной среды. Многие культурные институции стали применять стратегию открытости и доступности арт-пространств, позволяя людям получать виртуальный доступ к арт-объектам экспозиционных залов музеев разных городов и стран. Во время пандемии музеи выполняли образовательную и просветительскую деятельность, используя разнообразные цифровые технологии, часть из которых предполагала взаимодействие с ценителями искусства. Применение интерактивных методов привело к тому, что за музеями закрепилась и социальная функция. Музеи превратились в площадку для общения деятелей культуры и искусств со зрителями. Пандемия показала положительные стороны использования онлайн формата, поэтому после выхода из режима самоизоляции его продолжают использовать, наряду с офлайн. Традиционное искусство и новые виды цифрового искусства уже в меньшей степени конкурируют между собой, они развиваются параллельно, дополняя друг друга.

### **Как мы могли (бы) преподавать: круглый стол по образованию в эпоху пандемии**

На второй день конференции состоялся круглый стол, отправной точкой которого

стал вопрос «как мы могли (бы) преподавать?». Включение такого вопроса в повестку конференции кажется вполне закономерным: практики обучения в формате онлайн стали весомой частью жизни не только для тех, кто подобную практику в своей жизни, образовательной или корпоративной среде уже осуществляет, но и для тех, кто стал делать это впервые и вынужденно. Несмотря на изобилие образовательных практик в эпоху lifelong learning, в рамках круглого стола речь шла в основном о системе высшего образования. В дискуссии участвовали теоретики и практики цифровизации образования НИУ ВШЭ: Е. Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования, Е. Патаракин, руководитель программы цифровизации образования, а также аналитики Института образования и Центра социологии высшего образования И. Груздев и Е. Терентьев.

Евгения Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования НИУ ВШЭ, указала на неопределенность ситуации с онлайн-обучением, сложившейся к началу пандемии. Неоспорим факт, что российские вузы оказались в совершенно разных ситуациях. Это иллюстрируется ссылкой на аналитический доклад НИУ ВШЭ «Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее»<sup>1</sup>, целью которого являлось следующее: «извлечь уроки из опыта экстремального режима работы всей системы высшего образования в период пандемии для ее адаптации в период частичного сохранения санитарных ограничений и дальнейшего развития»<sup>2</sup>. Е. Кулик подчеркнула, что сложнее всего пришлось тем вузам, у которых к началу пандемии не было системы управления обучением, или LMS — Learning Management System, а таких порядка 11% в России. При этом только у 46 % вузов, имеющих LMS, показатели соответствуют реальному использованию LMS для организации образовательной деятельности<sup>3</sup>. В таком случае чаще всего использовались асинхронные технологии обучения, например, переписка по электронной почте. Но и крупным вузам, у которых LMS присутствовала, были сложности, а именно — с точки зрения организации бизнес-процессов по переводу всего учебного процесса в онлайн, т. е. главная сложность состояла в том, что в короткое время было необходимо масштабировать все процессы.

<sup>1</sup> Анисимов Н. Ю., Васильев В. Н., Волков А. Е. и др. Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее : аналитический доклад. URL: [https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003\\_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf).

<sup>2</sup> Там же. С. 3.

<sup>3</sup> Там же. С. 34.

Несмотря на многочисленные сложности с организацией онлайн-обучения, эксперты сделали вывод о том, что система высшего образования справилась со «стресс-тестом»: по оценкам экспертных интервью, в сравнении с другими странами, особенностью российской ситуации стал быстрый переход системы образования на другой режим работы (450 университетов в две недели) и все это при том, что в России одна из самых массовых систем образования. Итак, система в целом сохранила свою устойчивость.

Весьма мала вероятность того, что вузы вернуться на «доковидный» уровень развития модели образования, так как все участники осознали плюсы дистанта, впрочем, как и его ограничения. Эксперты-аналитики подчеркнули, что, с учетом постпандемической ситуации в высшем образовании, важно рассмотреть возможность построения комбинированной модели образования, в которой бы сочетались возможности и ограничения как очного, так и онлайн-образования. «Окно возможностей», открывшееся после пандемии для образования, позволяет осмыслить возможности и ограничения как дистанционного, так и традиционного очного формата обучения. Накоплен сложный опыт, и из него только предстоит извлечь уроки. Эти тезисы созвучны с общим настроением конференции, с попыткой осмыслить поток, при этом все еще находясь в нем.

Е. Терентьев осветил вопрос об эмоционально-оценочном отношении к вынужденной и тотальной цифровизации обучения в эпоху пандемии. Ожидаемо, что восприятие это может полярно отличаться в зависимости от роли субъекта в образовательной системе. Было отмечено, что в целом по большому количеству исследований данные следующие: негативное отношение к цифровизации наблюдалось у преподавателей, более позитивное у студентов.

Базовый тезис исследований Е. Терентьев сформулировал так: до пандемии (февраль 2020 г.) цифровое будущее воспринималось как очень далекое, никто из респондентов не верил, что это случится так быстро — но поверить пришлось. В апреле 2020 данные опросов были следующие: ситуация масштабного перехода в дистант, несмотря на стрессовость, была воспринята с энтузиазмом, как вызов, позволяющий экспериментировать, большинству участников учебного процесса было интересно, они получили удовольствие. Однако долгосрочная перспектива менее оптимистична: в июне 2020 г. в связи с рутинизацией на безальтернативном основании (только дистант

вызывает усталость от цифры) ситуация привела к пессимистичным оценкам о том, как быть дальше.

Участники интервью отмечали проблему размывания личного и рабочего пространства как ключевую, так как эта граница и так всегда весьма зыбкая для академического сообщества, а в условиях пандемии стала проницаемой и вообще стерлась. Не у всех домашние условия были приспособлены к такому переходу, что обернулось психологическими трудностями, стрессом и депрессивным состоянием. Была отмечена сквозная тема — обострение актуальности проблемы психологического благополучия обучающихся. Так, по мнению докладчика, аспиранты в 55 % случаев находятся в депрессии (по данным стандартизованных опросников). В исследованиях образования мало внимания уделяется этому аспекту, а пандемия позволила актуализировать его.

При оценке отношения перехода на удаленную форму обучения важно учитывать дисциплинарный контекст: работа с лабораторным оборудованием и креативные специальности в пандемию пострадали больше всего, так как симуляторы гораздо менее развиты, чем LMS. Именно в этих сферах были более негативные оценки по отношению к онлайн-образованию в эпоху пандемии. На данный момент мы не можем с уверенностью сказать, что пандемия COVID-19 стала тем фактором, который разделит образование на «до» и «после» — это нам еще предстоит увидеть. Но уже сейчас очевидно, что путем проб и ошибок переизобретаются образовательные практики и гибридизируются подходы, а компас социологических исследований образования переориентируется на растущий интерес к психологическому комфорту субъектов образовательной деятельности.

### Заключение

«Internet beyond 2020», как и аналогичные конференции предыдущих лет, объединила исследователей в различных областях знания, занимающихся т. н. «Internet studies». Ее участники продемонстрировали, что конструирование нового нарратива, результирующего переосмысление значимости и роли «Всемирной паутины», концептуализирующего воздействие технологий на человека и все сферы жизни общества, является делом, вероятно, отдаленного будущего. Неопределенно великие массивы перманентно увеличивающихся данных затрудняют подходы к универсальному, обобщающему высказыва-

нию о человеке и его мире. Вследствие сложившегося положения вещей исследователи обращаются к конкретным и частным аспектам проблематики Internet studies. Путь мысли от частного к общему (именно этим путем пошли все без исключения исследователи, представившие результаты всей работы на конференции) общеизвестен и является неотъемлемым для познавательной деятельности человека. Вопрос в том, не обречен ли человек переходить от частного к частному?

1. Калинин О. И. Лингвопрагматические характеристики образа вируса в китайской лингвокультуре // Языки и культуры стран Азии и Африки : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Моск. гос. лингвистич. ун-та, 2021. С. 85—87.

2. Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99—109.

3. Кунцман А., Богданова Е.О., Пономарева Э. Я., Щетвина А. А. Отказ и ограничение использования Интернета в среде российских IT-специалистов // Социология власти. 2018. № 3. С. 144—164.

4. Раш М. Новые медиа в искусстве. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 256 с.

5. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13—22.

6. Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 125—134.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.

8. Campbell H. Making space for religion in Internet studies // Information Society. 2005. Vol. 21, iss. 4. P. 309—315. DOI: 10.1080/01972240591007625.

9. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32, iss. 2. P. 235—296. DOI: 10.1177/0306312702032002003.

10. Jones S. Fizz in the field: Toward a basis for an emergent internet studies // Information Society. 2007. Vol. 21, iss. 4. P. 233—237. DOI: 10.1080/01972240591007544.

### References

1. Kalinin O. I. (2021) *Jazyki i kultury stran Azii i Afriki*. Moscow, pp. 85—87 [in Rus].

2. Kalinin O.I., Mavleeva D.V. (2020) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija*, no. 4, pp. 99—109 [in Rus].

3. Kuncman A., Bogdanova E.O., Ponomareva E. Ya., Shhetvina A.A. (2018) *Sociologija vlasti*, no. 3, pp. 144—164 [in Rus].

4. Rash M. (2018) *Novye media v iskusstve [New Media in Art]*. Moscow, Ad Marginem Press, 256 p. [in Rus].

5. Trufanova E.O. (2010) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 13—22 [in Rus].

6. Trufanova E.O. (2021) *Vestnik SAFU. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, no. 1, pp. 125—134 [in Rus].

7. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tjur'my. Moscow, Ad Marginem, 480 p. [in Rus].

8. Campbell H. (2005) *Information Society*, no. 4 (21), pp. 309—315. DOI: 10.1080/01972240591007625 [in Eng].

9. Collins H.M., Evans R. (2002) *Social Studies of Science*, no. 2 (32), pp. 235—296 [in Eng].

10. Jones S. (2007) *Information Society*, no. 4 (21), pp. 233—237 [in Eng].

**For citing:** Bogdanova V.O., Gulevataya A.N., Dydrov A.A., Penner R.V. Internet Studies during the pandemic (following the proceedings of the conference «Internet beyond 2020») // *Socium i vlast'*. 2021. № 3 (89). P. 89—101. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101

UDC 141.319

**INTERNET STUDIES  
DURING THE PANDEMIC  
(FOLLOWING  
THE PROCEEDINGS  
OF THE CONFERENCE  
«INTERNET BEYOND 2020»)**

**Veronika O. Bogdanova,**  
South Ural State Humanitarian  
Pedagogical University,  
Associate Professor of the Department Chair  
of Philosophy and Cultural Studies,  
South Ural State University  
Senior Researcher of the Scientific  
and Educational Centre of Practical  
and Applied Philosophy,  
Cand. Sc. (Philosophy).  
The Russian Federation, 454080,  
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.  
E-mail: bogdanovavo@susu.ru.

**Anastasia N. Gulevataya,**  
South Ural State University  
Lecturer at the Department Chair of Philosophy,  
The Russian Federation, 454080,  
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.  
E-mail: gulevataian@susu.ru

**Artur A. Dydrov,**  
South Ural State University  
Associate Professor of the Department Chair  
of Philosophy, Associate Professor,  
Senior Researcher of the Scientific  
and Educational Center of Practical  
and Applied Philosophy,  
Cand. Sc. (Philosophy).  
The Russian Federation, 454080,  
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.  
E-mail: zenonstoik@mail.ru.

**Regina V. Penner,**

South Ural State University,  
Associate Professor at the Department Chair  
of Philosophy,  
Senior Researcher of the Scientific  
and Educational Center of Practical  
and Applied Philosophy,  
Cand. Sc. (Philosophy).  
The Russian Federation, 454080,  
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.  
E-mail: penner.r.v@gmail.com

*Abstract*

The article is an overview of the VI Scientific and Practical Conference «Internet beyond 2020» (April 22-24, 2021) organized by the online school of Internet research with the support of the Higher School of Economics. The conference program included workshop reports and round tables on the role of the global network, the evolution of art and education during the COVID-19 pandemic. The conference brought together representatives of social sciences and humanities (sociologists, cultural scientists, linguists), artists, designers, and specialists in the field of Internet studies. The organizers and participants of the conference tried to answer various questions, including the following. Is a modern person witnessing the emergence of fundamentally new anthropological practices? Is it possible to obtain a comprehensive picture of digital realities from single events of Internet studies, as well as predict the emergence and development of yet unknown social and anthropological transformations? Is it possible for a post-pandemic narrative conceptualizing the heterogeneous eventuality of our time to emerge?

*Key words:*

Internet studies,  
pandemic,  
communication,  
education,  
art.